

М.Г. КОНДРАТЬЕВ

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия
ORCID: 0000-0003-0394-3170

Музыка в мифологическом сознании чувашей

Настоящая работа – первый опыт рассмотрения материалов фольклористики и этнографии о музыке в мифологическом сознании чувашей. Композиция статьи определена исходным различием мифологических представлений о природе песни / пения и музыкальных инструментов / музицирования. Рассматриваются живущие в мифологическом сознании чувашского народа понятия как о вокальной (*юрă, сăвă*), так и о инструментальной (*купăс, шăпăр, кёсле, тăмра*) музыке. Подчёркивается связь с деятельностью культурных героев-демиургов демонологических персонажей *Турă, Киремет*, указывающая на исконность и архаичность этих понятий и предметов в национальной культуре. Речь также идёт о других представителях демонологического пантеона – *Шуйттан, Кил-хачё, Хёрт-сурт*, прямо или косвенно характеризующих музыкальные традиции и предпочтения народа. Мифологические представления и понятия о музыке и о людях, владеющих этим искусством, порождены попытками понять и объяснить происхождение песни и искусства пения, причины и силу воздействия искусства звуков на человека, происхождение музыкальных инструментов. В то время как в интонационном содержании народной музыки мифологические компоненты вычленишь не представляется возможным, эти компоненты обнаруживаются в прозаических текстах устного народного творчества. В совокупности так или иначе затронутые образы и понятия складываются в некую систему, находящуюся в глубине этнокультурной идентичности чувашского народа, не представляющего праздника-обряда без родной песни или инструментального наигрыша.

Ключевые слова: мифологическое сознание, происхождение песни и музыкальных инструментов, демонологические персонажи, сверхъестественные способности, этнокультурная идентичность.

Для цитирования / For citation: Кондратьев М.Г. Музыка в мифологическом сознании чувашей // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 4. С. 158–168. DOI: 10.17674/2782-3601.2023.4.158-168. EDN: MXPJRH.

MIKHAIL G. KONDRATYEV

Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia
ORCID: 0000-0003-0394-3170

Music in the Mythological Consciousness of Chuvash

This work is the first attempt to consider the materials of folklore studies and ethnography about music in the mythological consciousness of Chuvash. The article composition is determined by the initial difference between mythological ideas about the nature of song/singing and musical instruments/

music-making. The author examines the concepts of both vocal (*yură, săvă*) and instrumental (*kupăs, shăpăr, kēsle, tāmra*) music living in the mythological consciousness of the Chuvash people. The article emphasizes the connection with the activity of the cultural heroes-demiurges of the demonological characters *Tura* and *Kiremet*, that points the primordial and archaic nature of these concepts and objects in the national culture. We are also talking about other representatives of the demonological pantheon *Shuittan, Kil-khachě, Khěrt-surt*, who directly or indirectly characterize musical traditions and preferences of the people. Mythological ideas and concepts about music and about people who master this art are generated by attempts to understand and explain the origin of song and the art of singing, the causes and strength of influencing the art of sounds on man, the origin of musical instruments. While it is not possible to single out mythological components in the intonation content of folk music, these components are found in the prose texts of oral folk art. Taken together, in one way or another, the affected images and concepts form a certain system that is located in the depth of the ethno-cultural identity of the Chuvash people, who cannot imagine a holiday-rite without a native song or instrumental tune.

Keywords: mythological consciousness, the origin of song and musical instruments, demonological characters, supernatural abilities, ethno-cultural identity.

*Особое и важное место занимают мифы
о происхождении и введении тех или иных культурных благ.*

Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология [17, с. 12].

Среди исконных культурных благ любого народа, окружённых мифологическими представлениями, не последнее место занимает музыка. Мифы с незапамятных времён по-своему отвечали на вопросы о происхождении искусства звуков, о культурных героях, подаривших его людям, объясняли силу воздействия на эмоциональный мир человека. Однако песен или инструментальных наигрышей, специально посвящённых темам или образам мифологии, в чувашском фольклоре – каким он представлен в собранных к настоящему времени материалах – не обнаруживается. Вместе с тем в поэтических текстах многих старинных чувашских песен разных жанров нередко «просвечивают» следы космогонических представлений. Это оче-

видно, например, при упоминании дерева, столба (читай: Мирового древа) с поющей птицей на вершине или вершины горы, где наблюдаются какие-то необычные явления. Так, весеннюю хороводную песню девушки начинают словами¹:

На верхушке вяза ястреб
Играет на медной струне.
Дай руку, образуем хоровод [4, с. 292].

Или в рекрутской песне встречаются строки:

На высокой горе ветряная мельница
Мелет без ветра, без ничего,
Но выхода муки не видно.
У нас внутри огонь горит,
Но пламени не видно [10, с. 122].

¹ Здесь и далее чувашские песенные и некоторые прозаические тексты цитируются в нашем подстрочном переводе или пересказываются в сокращённом виде.

Кроме того, в зачинах обрядовых песнопений можно услышать упоминания божеств *Турă*, *Сёрти Патша*, *Пулӑх*², например:

Небесный *Турă*, Земной *Патша*!
Благодарим за создание белого света!³

Или:

Старше *Турă*, *Пулӑх*’а никого нет,
Дороже отца-матери никого нет! [10, с. 129].

Анализу песенной сюжетики под этим углом зрения в своё время нами была посвящена специальная статья [8, с. 60–70]. В интонационном же тексте народной музыки вычленить конкретно мифологические компоненты не представляется возможным. Поэтому в настоящей работе не следует искать «мифологического анализа» музыкальных текстов; не рассматривается и концепция так называемой «музыкальной мифологии», трактующая саму музыку как миф или «процесс мифотворения» [6].

Предметом предлагаемой статьи, таким образом, являются представления и понятия чувашей о музыке и о людях, владеющих этим искусством, находящие отражение в мифологическом сознании. Эти представления запечатлены в прозаических текстах устного народного творчества – сказках, преданиях, рассказах, поговорках, загадках. Их фиксировали этнографы и собиратели чувашского фольклора, в числе которых заслуживают внимания труды Н.И. Ашмарина, Н.Ф. Данилова, Д. Месароша, С.М. Михайлова, Н.В. Никольского, Н.Р. Романова, Г.Ф. Юмарта. В Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (сокращённо –

НА ЧГИГН) хранятся рукописные материалы корреспондентов Никольского и Ашмарина, ставшие первоисточниками и для составителей современных многотомных фольклорных сводов «Чăваш халăх сăмахлăхĕ» («Чувашская народная словесность») и «Чăваш халăх пултарулăхĕ» («Чувашское народное творчество»), выходивших, соответственно, в 1973–1987 и 2004–2017 годах. Некоторые из мифологических сюжетов, связанных с музыкой, рассматривались в музыковедческих работах Ф.П. Павлова [14, с. 54] и Ю.А. Илюхина [7, с. 13–14]. Но задача описания целостной музыкально-мифологической картины в культуре чувашского народа до сих пор никем не ставилась. Настоящая статья – первый опыт рассмотрения совокупности доступных в названных источниках материалов по данной теме.

Изучая вопрос об отражении музыкальной культуры в мифологическом сознании народа, следует иметь в виду, что обобщённое понятие об искусстве звуков изначально в традиционной культуре может отсутствовать. Потребность в нём появляется в позднейшие времена, когда развивается и начинает доминировать собственно эстетическая сторона исполнения и сочинения музыкальных произведений. Поэтому за редчайшим исключением в языках народов мира (в частности, тюрков, к которым относятся чуваша) для этого используется термин «музыка» (от древнегреческого *μουσα* (муза, богиня – покровительница искусств). На рубеже XIX–XX веков это слово вошло и в чувашский язык в форме *мусăк*. Народ же, практически занимаясь музыкальным творчеством, создал собственные понятия отдельно о вокальном и об инструментальном му-

² В чувашском пантеоне *Турă* – высший небесный бог, *Сёрти Патша* (букв. земной царь) – земное воплощение небесного бога, *Пулӑх* – вестник небесного бога.

³ НА ЧГИГН. Отд. VI, ед. хр. 510. Л. 121.

зицировании. Слова для их обозначения таковы:

- *юрă* – песня, *юрлани* – пение,
- *сăвă*⁴ – плясовая припевка, частушка,
- *сăвă калани* – исполнение припевок,
- *купăс* – музыкальный инструмент (вообще),
- *кёвё* – наигрыш, мелодия, *кёвё калани* – игра на музыкальном инструменте.

При необходимости, возможно, использовались и собирательные словосочетания *юрă-кёвё* – музыка (букв. «песня-наигрыш»), или *купăс-сăрнай* – разнообразные музыкальные инструменты, они имеются в современном языке. Однако в мифологических текстах эти обобщения ещё не были востребованы. Возвращаясь к мифологическому сознанию, мы вновь сталкиваемся с конкретикой – исходным различием представлений о природе песни/пения и музыкальных инструментов/музицирования. Соответственно определилась и двухчастная композиция настоящей статьи.

1.

Существует популярное крылатое выражение «Чувашия – край ста тысяч песен». Оно отражает огромное место, которое занимает вокальное музицирование и в реальном, и в мифологическом сознании чувашей. Тема «песни о песне» нередко присутствует в самих песенных текстах. Иногда она даже выделяется фольклористами в отдельную тематическую группу: например, это сделано в сборнике С.М. Максимова под редакцией В.М. Беляева [11, с. 128–130]. Устами исполнителей высказывается мысль, что песня и пение – одна из высших ценностей жизни, а совместное пение – лучшая форма общения с родными:

Здесь не спеть да – где же петь?
Любимые родственники да здесь.
Специально пришёл да я попеть,
В другой раз приду поговорить [15, с. 33].

Происхождение столь замечательного для этнокультурной идентичности чувашей искусства, по одному из преданий, связано с некой *юрă-карчăкё* (букв. старухой-песенницей). Жила она на краю болота среди зарослей камыша. Слушая шум листьев при сильном ветре, старуха напевала песни-мелодии. «Свои песни, – заканчивает своё повествование рассказчик, – она отправляла в нашу сторону» [23, с. 37]. В аналогичном сюжете прямо указывается, что «люди научились петь у камыша. Около камышовых зарослей они долго слушали, как шуршит-шелестит камыш: *Вăш-вăш-вăш, Чи-чи-чи*. Шелесту камыша начали подражать, оттуда и пошла песня» [12, с. 98]. В отличие от обычных этиологических (объяснительных) повествований, этот «красивый и поэтический миф» (по характеристике записавшего его Д. Месароша) не упоминает вмешательство сверхъестественных сил. Его фабула, возможно, коренится в естественных мимологических свойствах народной речи, хорошо известных по исследованиям языковедов Н.И. Ашмарина [1] и Г.Е. Корнилова [9].

Есть и более традиционная для мифов версия происхождения песни. В ней утверждается, что песня принесена в этот мир демиургом – главным божеством чувашского пантеона *Турă*. Как-то в давние времена *Турă* позвал всех живых существ, желая распределить между ними песни. Однако увидев необозримое количество желающих получить такой дар, он понял, что никогда не справится с задачей, и бросил песни за ограду. Первым туда прибежал человек и улёгся, накрыв песни всем телом. Всё, что человек не мог удержать,

⁴ Слово *сăвă* имеет несколько значений, в том числе «стих», «стихотворение», «куплет».

расхватили птицы. С тех пор у человека много разных песен, у птиц – по одной песне. А у зверей и домашних животных песен нет, они умеют только реветь и мычать [19, с. 37].

Представление о высокой ценности вокального искусства породило и сказочные сюжеты о песне *юрă*, представляемой в виде персонажа, т.е. в духе антропоморфизма, или, точнее, антропоморфизма (придания свойств человеческой души неодушевлённому предмету). В одной из таких сказок говорится, что *Юрă* жила в дружбе с людьми и им на радость. Однажды она исчезла, похищенная злым волшебником. Через много лет родился чудесный богатырь, который, повзрослев, отправился искать песню и освободил её. С тех пор *Юрă* не расстаётся с народом [22, с. 127–128]. В другом сюжете *Сăвайна юрă* (песня с припевкой, т.е. песня-пляска) скрывается от злого Пуш Пуклак (букв. «Пустой Тупица»), стремящегося бросить её в огонь и сжечь. Убегая, *Сăвайна юрă* попадает на свадьбу, участники которой шумят, но не умеют ни петь, ни танцевать. Но с появлением беглянки народ сразу запел и заплясал. Пуш Пуклак туда-сюда смотрит – разглядеть *Сăвайна юрă* среди веселящейся толпы не может. С той поры в народе прижились песни-пляски [21, с. 204].

Вера в способность песни помогать человеку выражается поговоркой «Песня и мёртвого оживит» [20, с. 254]. Воплощена она и в фабуле сказочного предания о бедствиях прошлого:

«Чуваши жили в дремучем лесу, их никто не знал, никто не приходил разорять. Однажды в тот лес вошло татарское войско. Они нашли чувашей и начали бесчинствовать: забрали в полон самых красивых девушек, дорогие меха, деньги, лошадей отняли и ушли. Чувашские селения сожгли. ... Воины к своему царю пришли и расска-

зали о происшедшем. Он спросил: “Чуваши сейчас что делают?”. Те говорят: “Плачут чуваша, с горькими слезами причитают”. Взъярился царь: “Если плачут, еще добро осталось у них! Идите, сравняйте их с землей!”. Опять татарское войско в чувашские земли отправилось, села-города разграбили, сожгли, с землей сравняли. Чуваши после этого свои земли бросили. Больше они не плакали, стали петь горестные, душу пробирающие песни... Царь своих воинов спросил: “А сейчас что делают чуваша?”. Те отвечают: “Поют чуваша, песни поют”. “Ну, если поют, у них ничего другого нет. Пусть поют...”, – сказал тогда царь». Резюме сюжета имеет этиологический смысл: «Оттуда пошли потом чувашские *хурлăхлă юррисем* (горестные песни)» [25, с. 204]. Так, согласно преданию, возникли самые ценные проявления национальной песенности.

В мифологическом сознании чувашей песня *юрă* несёт в себе исключительно позитивное начало. Благодаря приуроченности обрядовых напевов к определённым ситуациям в годовом круге праздников и обрядов сельской общины и семейно-праздничного быта народа сохранилось и накопилось немало разнообразных музыкальных и поэтических текстов – мелодий и сюжетов. Сознание богатства родной песенной культуры самими носителями традиций облекается в соответствующие поговорки-афоризмы, например: «У каждого праздника – своя песня» [20, с. 252]; «У вороны одна песня, у дурака одно слово» [20, с. 87] – т.е. одной-единственной песней обходится только бессловесное создание, выразительно сопоставляемое с недалёким человеком.

2.

Искусство, использующее в качестве материала звучание музыкальных инструментов, в представлении чувашей выгля-

дит иначе. Сила его воздействия на эмоциональный мир человека описывается с помощью метафор. Например, гудение *шăпăр*'а (пузырной волынки), легко прорезающее шум толпы свадебного обряда и создающее атмосферу сакральности, иносказательно представляется как «большоголовая перепёлка собирает весь народ» [5, с. 330]. В звучании смычкового инструмента – архаичного гудка или более поздней скрипки – акцентируется особая выразительность: «стонет и плачет, за нутро хватает» [5, с. 329]. Эта метафора углубляется в загадке, буквально очеловечивающей инструмент: «Она говорит: ай! она говорит: вай! душа у неё есть, лишь крови нет» [3, с. 10]. Здесь вновь мы встречаемся с антропоматизмом – приданием человеческих качеств неодушевлённому предмету.

Чудодейственная сила инструментальной музыки стала темой сказки. В ней *усал* (нечистый дух) дарит мальчику необычную волынку «с сорока рожками». На базаре с её помощью герой заставляет плясать сковородки, из-за чего они разбиваются. Затем в суде начинают плясать чернильницы и сами судейские, которые молят о пощаде [22, с. 99–100].

В мифологическом сознании инструментальная музыка, доставляющая людям радость и удовольствие, вместе с тем, связывается с соблазнами, идущими от нечистого духа. Иначе говоря, у чувашей, как и у многих народов, отношение к инструментальной музыке неоднозначно. Иногда прямо утверждается, что «музыку изобрели диаволы: диаволы сделали скрипку»⁵. Отсюда рождаются представления о магических способностях самих музыкантов. Например, скрипачей нередко называют *ăрăмçă* [21, с. 205] (колдун, волшебник). Ещё чаще приписываются

такие способности волынщикам. Литератор-этнограф С.М. Михайлов в середине XIX века писал: «Пузырник у чуваш – волшебник. Во время свадеб больше всех отличается он, и если музыкант холост, то он совершенный победитель красавиц: ему они все подчинены и покорны. Думают чуваш, по своему суеверию, что пузырник может колдовать и привораживать силою пузыря к себе девиц. Никто из чуваш не может с ним ссориться, когда он играет на свадьбе, а разве только может соперничать с ним подобный же ему музыкант» [13, с. 38]. Описаны и приёмы борьбы соперничающих друг с другом музыкантов: «На свадьбе пузырщик рассердится на другого пузырщика, подует, направив в его сторону дудку пузыря (*шăпăр*), и так испортит, что в тот же миг у другого пузырщика лопнет пузырь, на котором он играет, или наполнится через рот кровью, или разными мелкими жуками. Колдун держит в своей власти гадюк, змей...» [1, с. 42]. Другие способности раскрываются в рассказе о волынщике по имени Пармак: «Без него ни свадьбы, ни поминки не проводили. Очень сильный был колдун. Если рассердится, мог обездвижить бодро скачущих по дороге лошадей свадебного поезда, связав им ноги. Без позволения этого Пармака-пузырника лошади ни назад, ни вперёд не могли тронуться» [25, с. 442]. В качестве примера рассказчик приводит случай с известной в деревне Мусирмы красавицей-плясуньей: Пармак, говорят, наказал её в молодости за дерзость, заставив постоянно дёргаться, лишив до старости возможности спокойно стоять или сидеть [там же]. Не составляют исключения и гуслиеры, способные своей игрой оживлять героя и отнимать силу у коварной старухи-колдуньи [20, с. 107–108].

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 150. Л. 28/258.

За искусным музыкантом, своей игрой подчиняющим окружающих, виделась сверхъестественная сила потусторонних персонажей – как добрых, так и злых. В чувашской мифологии они выполняют функции культурных героев, создавших музыкальные инструменты, передавших их людям.

В частности, изобретение смычкового инструмента *сёрме купӑс* (гудок) приписывается злему божеству *Киремет*. Но в этом участвует и небесный *Турӑ*. Вклад последнего состоит в придании инструменту совершенства: «Жил один хромой *Киремет*. Трудясь, он не мог себя прокормить, люди не уважали его. Чтобы прокормиться, он решил найти себе занятие. Сделал гудок, струны натянул, сделал смычок. Смычком водит – гудок не звучит. Пошел к *Турӑ* и говорит: “Я гудок сделал, только гудок мой слишком грубо скрипит. Как бы звук убавить?” *Турӑ* ответил: “Ты смолой поменьше натирай”. Киремет смолой натёр как сказано, и звук пошёл» [21, с. 205]. Во второй части этого мифа говорится, что *Киремет* сдружился с божеством смерти *Эсрел*, который умел делать домбру (*тӑмра*) и гусли. Концовка содержит специфическое для мифов этиологическое резюме: «Впоследствии казанские чуваша от *Киремет*’а научились играть на гудке, домбре и гусях» [там же].

Отдельный сюжет посвящён способу научиться играть на скрипке при помощи *усал шульӑш* – злого духа. В нём сообщается: «Вместе со скрипкой берут петуха и идут в баню. В бане надо сидеть до полуночи. В это время в баню входит злой дух в обличье какого-нибудь замечательного скрипача или старика и предлагает заключить с человеком договор об обучении. Заканчивая разговор, *усал шульӑш* объявляет: человеку, желающему научиться играть на скрипке, надо порезать мизинец

и каплю крови отдать злему духу; тогда человек этому злему духу передаст свою душу. После этого действия злая сила в обличье человека берёт скрипку и начинает играть. Потом человеку скрипку отдаёт, тот сразу начинает хорошо играть. ... Злой дух петуха нешуточно боится. Когда человек вместе с петухом – он ни за что не нападёт, не сможет погубить, задушить» [21, с. 205].

Самый популярный в быту низовых чувашей инструмент – скрипка – в мифологическом пространстве является атрибутом злого *Шуйттан*’а, причиняющего вред людям. Этот дух «выходит на перепутья, где он играет в вихре на скрипке и идущего ему навстречу (человека) сглазит. Сглаза чуваш очень боится, поэтому, увидев вихрь, всё умоляет Бога о помощи» [12, с. 36].

Отношение чувашей к инструментальной музыке в некоторых случаях различается в зависимости от выразительных свойств и возможностей инструмента. Так, людям свойственна естественная любовь к нежному и гармоничному звучанию шлемовидных гуслей *кёсле*. Поэтому *кёсле* люб и доброму божеству *Турӑ*, и духу – покровителю дома *Кил-хачё* [20, с. 252]. Аналогично характеризуется и другой домашний дух *Хёрт-сурт*, про которого говорят, что он «любит мелодии гуслей, но не любит звуки волынки»⁶.

Непреодолённая противоречивость отношения к инструментальной музыке видна в резюме одного из сюжетов с попыткой как бы уравновесить роль доброго и злого начал: «Игра на скрипке не грех, сказывают, потому что скрипку сотворил *Турӑ*. Грешно мазать смолой, сказывают, ибо смолу сделал *Шуйттан*» [19, с. 36].

И лишь в одном из сюжетов музыкальной мифологии песенное / вокальное и ин-

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 77. Л. 82.

струментальное начала не разделяются. В чувашском варианте древнего мифа о рождении музыкального инструмента через смерть человека говорится: «При ветре камыш поёт какие-то мелодии, только не угадаешь, что за песня поётся. Этот камыш отчего поёт? Когда-то, в прошлом веке, под камышом похоронили мальчика, оттого он запел. Поэтому из него сделали волыночный пищик, но, в конце концов, волынку испортили, после чего волынка уже не могла играть»⁷.

Материалы устного творчества показывают, что в мифологическом сознании чувашского народа живут понятия и предметы музыкальной культуры – отдельно вокальной (*юрă, сăвă*) и инструментальной (*купăс, шăпăр, кёсле, тăмра*). Связь с деятельностью демонологических персонажей *Турă, Киремет*, выступающих как культурные герои-демиурги, указывает на исконность и архаичность этих музыкальных ценностей для национальной культуры. Другие представители демонологического пантеона – *Шуйттан, Кил-хачё, Хёрт-сурт* – прямо или косвенно характеризуют традиции и предпочтения народа. Музыкально-мифологические представления чувашей порождены попытками понять и объяснить происхождение песни и искусства пения, причины и силу воздействия искусства звуков на человека, происхождение музыкальных инструментов. Неполнота и противоречивость впервые описываемой в настоящей статье музыкальной мифологии чувашей не мешает почувствовать и некоторую цельность древней музыкально-мифологической картины мира. Говорить об этом даёт возможность, например, корреляция цитированной поговорки «У вороны одна

песня, у дурака одно слово» с этимологическим смыслом мифа о дарении божеством песен: почему люди владеют песенным богатством, а птицы – поют только одну песню. Так или иначе затрагиваемые в мифологических рассказах образы и понятия в совокупности складываются в некую систему, находящуюся в глубине этнокультурной идентичности народа «края ста тысяч песен», не представляющего праздника-обряда без привязанной к нему песни или наигрыша волынки / скрипки / гуслей.

Вопросы изучения чувашской музыкальной мифологии, разумеется, не исчерпываются вскрытием перечня обнаруживаемых в фольклорных источниках персонажей, предметов и отношения к ним. Отдельную тему могут составить поиски параллелей с мифологией других народов. Здесь пока имеется лишь несколько отрывочных наблюдений. Например, очевидную параллель мифу о роли нечистого духа в совершенствовании *сёрме купăс* (струнного смычкового инструмента) даёт туркменский сюжет о происхождении дутара (щипкового лютневидного инструмента) [18, с. 112]; несомненно родство сюжета о «волынке с сорока рожками» и русской сказки-былины о Садко-гусляре в подводном царстве; сюжет о волыночном пищике из тростника на могиле представляет собой отголосок мифа, известного многим народам. Подобные аналогии буквально «витают в воздухе», их предстоит выявлять и изучать. Уже сейчас понятно, что речь может идти не о простых заимствованиях. Вписываясь в мировую мифологию, национальные – в нашем случае чувашские – варианты сюжетов совпадают отдельными мигрирующими сюжетными мотивами, мифемами, включаемыми каждым народом в ткань своего сюжета и собственной картины мира. В перспективе

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 276. Л. 245.

представляет интерес также исследование музыкальной системы чувашской народной песни в свете концепции пятиричности, имеющей в философии восточноазиатских народов универсальный характер, в том числе мифологический. Чуваш, живущие в так называемой «пентатонной зоне Поволжья», сохранили в интонаци-

онной структуре устного музицирования чётко выраженную пятизвучковую ладовую систему, унаследованную тысячелетия тому назад их азиатскими предками. Изучение подобных вопросов позволит вывести локальный материал чувашской культуры на новый, более высокий научный уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашмарин Н.И. Введение в курс чувашской народной словесности (окончание) // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984. С. 3–48.
2. Ашмарин Н.И. Основы чувашской мимологии. Казань: Издание чувашских национальных организаций, 1918. 10 с.
3. Ашмарин Н.И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки [Словарь чувашского языка]. I вып. Казань, 1928. 335 с.
4. Ашмарин Н.И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки [Словарь чувашского языка]. V вып. Шупашкар [Чебоксары], 1930. 420 с.
5. Ваттисен сăмахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем [Чувашские пословицы, поговорки и загадки] / Н.Р. Романов пухса йĕркеленĕ [составитель Н.Р. Романов]. Шупашкар [Чебоксары], 1960. 359 с.
6. Гервер Л.Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов. М.: Индрик, 2001. 247 с.
7. Илюхин Ю.А. Музыкальная культура Чувашии. Чувашская народная музыка. Чебоксары, 1961. 80 с.
8. Кондратьев М.Г. Мифологические мотивы в чувашской традиционной песне // Национальное и народное в чувашском искусстве. Чебоксары, 1993. С. 60–70.
9. Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1984. 184 с.
10. Максимов С.М. Тури чăвашсен юррисем [Песни верховых чуваш]. Шупашкар [Чебоксары], 1932. 136 с.
11. Максимов С.М. Чувашские народные песни. М.: Сов. композитор, 1964. 399 с.
12. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2000. 360 с.
13. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. 423 с.
14. Павлов Ф.П. Чуваш и их песенное и музыкальное творчество. Музыкально-этнографические очерки. Чебоксары, 1926. 65 с. [На обложке указано: 1927].
15. Песни низовых чувашей. Кн. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. 176 с.
16. Салмин А.К. Сказка. Обряд. Действительность. Историко-типологическое изучение чувашского текста. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 142 с.
17. Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. 2-е изд. М.: БРЭ, 1994. С. 11–20.
18. Успенский В., Беляев В. Туркменская музыка. Т. I / общ. ред. В. Беляева. 2-е изд. Ашхабад: Туркменистан, 1979. 381 с.

19. Халӑх сӑмахлӑхӗ. Хрестомати [Народная словесность. Хрестоматия] / Г.Ф. Юмарт пухса хатӑрленӗ [составитель Г.Ф. Юмарт]. Шупашкар [Чебоксары]: Чӑваш кӗнеке изд-ви [Чувашское книжное издательство], 2003. 414 с.

20. Чӑваш халӑх пултарулӑхӗ. Ваттисен сӑмахӗсем [Чувашское народное творчество. Пословицы и поговорки]. Шупашкар [Чебоксары]: Чӑваш кӗнеке изд-ви [Чувашское книжное издательство], 2007. 493 с.

21. Чӑваш халӑх пултарулӑхӗ. Мифсем, легендасем, халапсем [Чувашское народное творчество. Мифы, легенды, сказки]. Шупашкар [Чебоксары]: Чӑваш кӗнеке изд-ви [Чувашское книжное издательство], 2004. 567 с.

22. Чӑваш юмах-халапӗсем [Чувашские сказки и предания] / Н.Ф. Данилов пухса хатӑрленӗ [составитель Н.Ф. Данилов]. Шупашкар [Чебоксары]: Чӑвашгосиздат [Чувашское государственное издательство], 1959. 290 с.

Об авторе:

Кондратьев Михаил Григорьевич, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник направления искусствоведения, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015, Чебоксары, Россия), **ORCID: 0000-0003-0394-3170**, Mikh-kondratev@yandex.ru.

REFERENCES

1. Ashmarin N.I. Vvedenie v kurs chuvashskoy narodnoy slovesnosti (okonchanie) [Introduction to the Course of Chuvash Folk Literature (end)]. *Issledovaniya po chuvashskomu fol'kloru* [Studies on Chuvash Folklore]. Cheboksary, 1984, pp. 3–48.

2. Ashmarin N.I. *Osnovy chuvashskoy mimologii* [Fundamentals of Chuvash Mimology]. Kazan: Izdanie chuvashskikh natsional'nykh organizatsiy, 1918. 10 p.

3. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. I vypusk* [Dictionary of the Chuvash Language. I issue]. Kazan, 1928. 335 p.

4. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. V vypusk* [Dictionary of the Chuvash language. V issue]. Cheboksary, 1930. 420 p.

5. *Chuvashskie posloviцы, pogovorki i zagadki* [Chuvash Proverbs, Sayings and Riddles]. Compiled by N.R. Romanov. Cheboksary, 1960. 359 p.

6. Gerver L.L. *Muzyka i muzykal'naya mifologiya v tvorchestve russkikh poetov* [Music and Musical Mythology in the Works of Russian Poets]. Moscow: Indrik, 2001. 247 p.

7. Ilyukhin Yu.A. *Muzykal'naya kul'tura Chuvashii. Chuvashskaya narodnaya muzyka* [Musical Culture of Chuvashia. Chuvash Folk Music]. Cheboksary, 1961. 80 p.

8. Kondrat'ev M.G. Mifologicheskie motivy v chuvashskoy traditsionnoy pesne [Mythological Motifs in the Chuvash Traditional Song]. *Natsional'noe i narodnoe v chuvashskom iskusstve* [National and Folk in the Chuvash Art]. Cheboksary, 1993, pp. 60–70.

9. Kornilov G.E. *Imitativy v chuvashskom yazyke* [Imitatives in the Chuvash Language]. Cheboksary: Chuvashknigoizdat, 1984. 184 p.

10. Maksimov S.M. *Pesni verkhovykh Chuvash* [Songs of the Upland Chuvash]. Cheboksary, 1932. 136 p.

11. Maksimov S.M. *Chuvashskie narodnye pesni* [Chuvash Folk Songs]. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1964. 399 p.

12. Mesarosh D. *Pamyatniki staroy chuvashskoy very* [Monuments of the Old Chuvash Faith]. Translated from Hungarian. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, 2000. 360 p.
13. Mikhaylov S.M. *Trudy po etnografii i istorii russkogo, chuvashskogo i mariyskogo narodov* [Works on Ethnography and History of the Russian, Chuvash and Mari Peoples]. Cheboksary, 1972. 423 p.
14. Pavlov F.P. *Chuvashi i ikh pesennoe i muzykal'noe tvorchestvo. Muzykal'no-etnograficheskie ocherki* [Chuvash and Their Song and Musical Creativity. Musical and Ethnographic Essays]. Cheboksary, 1926. 65 p. [The cover indicates: 1927].
15. *Pesni nizovykh chuvashey. Kniga 2* [Songs of the Lower Chuvash. Book 2]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982. 176 p.
16. Calmin A.K. *Skazka. Obryad. Deystvitel'nost'. Istoriko-tipologicheskoe izucheniye chuvashskogo teksta* [Fairy Tale. Rite. Reality. Historical and Typological Study of the Chuvash Text]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 142 p.
17. Tokarev S.A., Meletinskiy E.M. *Mifologiya* [Mythology]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya. V 2 tomakh. Tom 1* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopaedia. In 2 volumes. Volume 1]. 2nd edition. Moscow: BRE, 1994, pp. 11–20.
18. Uspenskiy V., Belyaev V. *Turkmenskaya muzyka. Tom I* [Turkmen Music. Volume I]. General edition by V. Belyaev. 2nd edition. Ashgabat: Turkmenistan, 1979. 381 p.
19. *Narodnaya slovesnost'. Khrestomatiya* [Folk Literature: A Reader]. Compiler G.F. Yumart. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 414 p.
20. *Chuvashskoe narodnoe tvorchestvo. Poslovitsy i pogovorki* [Chuvash Folk Art. Proverbs]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. 493 p.
21. *Chuvashskoe narodnoe tvorchestvo. Mify, legendy, skazki* [Chuvash Folk Art. Myths, Legends, Historical Tales]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2004. 567 p.
22. *Chuvashskie skazki i predaniya* [Chuvash Fairy Tales-Legends]. Compiled by N.F. Danilov. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1959. 290 p.

About the author:

Mikhail G. Kondratyev, DrSci (Arts), Chief Research Worker at the Art Department, Chuvash State Institute of Humanities (428015, Cheboksary, Russia), **ORCID: 0000-0003-0394-3170**, Mikh-kondratev@yandex.ru.

